

18+

Азретали Саубанов

ПАРИЖ В ОСАДЕ

Азретали Саубанов

**Париж в осаде. Сборник
рассказов и статей**

«Издательские решения»

Саубанов А.

Париж в осаде. Сборник рассказов и статей / А. Саубанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554544-2

Статьи историка и публициста Азретали Саубанова о современной общественной жизни посвящены двум странам — России и Франции, где живет дух свободы, равенства и братства, где он в полной мере смог реализовать себя как писатель. В сборник также включены очерки о путешествиях по России и рассказы о детстве писателя, в котором отразились и тяготы сталинской ссылки и приключения непоседливого мальчишки, живущего в горах Кавказа.

ISBN 978-5-00-554544-2

© Саубанов А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА. МОЯ БИОГРАФИЯ	6
О ФРАНЦУЗАХ	8
ДАМИАН ИЛИ ОДИНОЧЕСТВО	9
Я ХОЧУ СТАТЬ ПТИЦЕЙ, ЧТОБЫ УЛЕТЕТЬ...	11
ВЕЧЕР В КАННАХ...	12
ЛЯ РОШЕЛЬ	13
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ	16
ПОСЛЕ 18 ЧАСОВ Я ВНЕ ЗАКОНА	17
РЕСТОРАН В АРИСТОКРАТИЧЕСКОМ СТИЛЕ	18
ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ	20
ОБЮССОН И КОРОНАВИРУС	22
МОЙ АНГЕЛ – ХРАНИТЕЛЬ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Париж в осаде

Сборник рассказов и статей

Азретали Саубанов

© Азретали Саубанов, 2022

ISBN 978-5-0055-4544-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается памяти моего брата Рамазана

ОТ АВТОРА. МОЯ БИОГРАФИЯ

Я родился в 1955 году в Киргизии в семье, которая, как многие кавказские семьи, была выслана в Сибирь и Среднюю Азию в 1944 году по приказу Государственного комитета Обороны СССР. Моя мама Байханат происходила из балкарского рода эфенди Казиева Аубекира – известного знатного рода Казиевых на Кавказе и княжеского рода Таукеновых, а мой отец Саубанов Мухамет Хасанович, татарин по национальности, был выходцем из казанских татар. Хотя в СССР были упразднены сословия, из памяти народа нельзя стереть уважение к представителям благородных фамилий.

Вернувшись после реабилитации на Родину, на Северный Кавказ, я закончил среднюю школу и был призван в Советскую армию. Во время службы я от случая к случаю публиковал в армейской газете небольшие очерки, и однажды на мое творчество обратили внимание в политическом отделе нашей военной части, после чего меня направили на учебу в Высшее военно-политическом училище в городе Ленинграде.

Но в СССР уже назревали перестроечные процессы, ведущие к распаду страны, и после второго курса я принял решение уйти из училища, чтобы поступить в Ленинградский университет, где царил свободолобивый дух познания истины.

«Мастер Спорта СССР» Азретали Саубанов. Ленинград, 1980 год.

Закончив университет, я работал преподавателем истории в учебных заведениях Ленинграда, но не прошло и пяти лет, как началась Перестройка и фактическое разрушение страны. Одним преподаванием прожить было невозможно, и я принял сложное решение бросить профессию и открыть коммерческое предприятие, пустившись в тяжелое плавание частного предпринимательства без начального капитала. Это переломное время подобно железному катку проехало по судьбам многих людей: законы не работали, кровь лилась потоками, бандиты установили в обществе свою диктатуру. Вот почему в 1994 году я с семьей вынужден был уехать из России.

В Бельгии мы с женой открыли консалтинговую компанию, а затем организовали в Брюсселе самый престижный профессиональный водочный конкурс «UNITED VODKA». Тесно работая с бельгийскими банками, мы консультировали предприятия России, Украины, Казахстана и Белоруссии по вопросам кредитования экспортно-импортных операций.

Уже в 1999 году мы создали в Бельгии некоммерческую ассоциацию «Искусство без границ – Мост Мира», чтобы помочь художникам и деятелям кино представить свое творчество в Европе, а с 2001 года мы начали издавать в Брюсселе свой независимый журнал «Avant-Garde». Эта деятельность требовала вложений, и мы вкладывали в развитие ассоциации и журнала всю свою прибыль.

Занятие бизнесом и общественной деятельностью не уничтожили во мне историка, а наоборот разбудили во мне ученого и публициста. В 2006 году мы финансировали проведение в Брюсселе Первой Международной Антиимпериалистической конференции, выступая против войны на Ближнем Востоке. Но сразу же по окончании конференции на нас было совершено покушение, а может это была акция устрашения – об этом я могу только догадываться.

Моя семья переехала из Брюсселя на Север Бельгии, где мы прожили несколько прекрасных лет на побережье Северного моря. В 2008 году я написал свою первую книгу под названием «На изломе эпох».

Под давлением невидимой силы в 2009 году мы вынуждены были уехать из Бельгии в Болгарию – на родину моей жены и там продолжили наш семейный бизнес. В Болгарии мы столкнулись с проблемой бездомных животных. Сначала просто подкармливали пришедших к нашему дому или офису голодных собак, а потом начали спасать и кормить животных целого региона, создав благотворительную организацию. Это были самые трудные годы в моей жизни,

но не из-за экономической отсталости страны, а из-за эмоционального страдания за судьбы бездомных животных, которых безжалостно уничтожало местное население...

В 2013 в Болгарии я написал книгу «Без права на жизнь», в которую вошли как общественно-политические статьи и очерки, так и рассказы о животных Болгарии. Книга была издана на русском и болгарском языках. Прожив в Болгарии около семи лет, мы переехали всей семьей с четырьмя спасенными собаками и четырьмя кошками во Францию – на родину Вольтера, в республику, где впервые в истории человечества был провозглашен величайший лозунг: «Свобода, Равенство, Братство»! Здесь, во Франции, я написал свою третью книгу «Париж в Осаде», которая была переведена на французский язык и издана в Париже в 2021 году.

О ФРАНЦУЗАХ

Я люблю Францию потому, что чувствую СВОБОДОЛЮБИВЫЙ ДУХ нации. Дух французского народа невероятно любезный и мягкий. Он проявляется всегда в отношениях между людьми, как будто все люди не на словах, а на деле являются братьями. Принято было считать, что истинный француз, прежде чем вызвать противника на дуэль, предварительно расшаркивается перед ним и только потом бросает ему в лицо перчатку. Эта прекрасная черта не может не вызывать уважение.

Сегодня в небольшом провинциальном городке я ощущал на себе вежливые взгляды незнакомых французов, сидевших в бистро. Они здоровались со мной, как со старым приятелем просто потому, что я такой же человек, как и они. В маленьких уютных кафе, куда я заходил, чтобы выпить чашечку кофе и побаловать себя настоящим круассаном, меня приветствовали, как старого друга, но при этом в каждом завсегдатае я видел присутствие чувства собственного достоинства, хотя, чтобы видеть эту черту, надо самому обладать этим чувством.

В духе французов всегда присутствует какая-то возвышенная безалаберность и пренебрежение к мелочам жизни, которые не имеют отношения к живой действительности. Но уверен в том, что французы проявляют уважение и знают не понаслышке цену таким понятиям, как СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО, которые они провозгласили в период Великой Французской революции 1789г. и которые стали идеалами для всего человечества.

28.10. 2017

ДАМИАН ИЛИ ОДИНОЧЕСТВО

29 декабря, перед новогодними праздниками, я вышел из дома в хорошем настроении со спортивной сумкой в руках и направился к своему гаражу, чтобы выкатить машину, похожую на комфортабельную серебристую яхту, и отправиться на ней в Guéret...

– Азретали, – услышал я свое имя.

Оглянувшись, я увидел своего веселого соседа. Он, как всегда, при моем появлении радостно махал мне рукой, приглашая подойти к нему.

– Как дела, Дамиан?

– Не очень хорошо, – с улыбкой отвечал сосед.

– Что-то случилось?

– Я три дня не выходил из дома и неделю пролежал в больнице.

– Почему? – поинтересовался я. В моем голосе прозвучало искреннее удивление.

– Я чуть не умер. Ты знаешь, я пью антидепрессанты, без них я плохо сплю. Я потерял чувство времени, перестал различать день и ночь, похудел на четыре килограмма.

– Дамиан, я очень сожалею... Могу ли я чем-то помочь?

– Спасибо. Уже все в порядке. Хорошо, что я позвонил в скорую помощь: они приехали, сделали укол и забрали в больницу. Если бы не полная страховка, не знаю, во что бы мне обошлась эта неделя на больничной койке. Но мне уже лучше. Прописали целую гору таблеток. Приходится все это пить. Мне кажется, что ухудшение здоровья связано с антидепрессантами, которые я принимаю... Азретали, а тебе мэрия прислала подарок на Новый год? Наверное, нет. Ты ведь не пенсионер еще. Вот, посмотри...

Дамиан пригласил меня войти в дом. Он с детской непосредственностью, достав с полки деревянный прямоугольный ящик, похожий на большой пенал, осторожно развернул праздничную новогоднюю упаковку, а затем стал вынимать из разных отделений этого презента всевозможные деликатесы: паштеты в баночках, фуа-гра, региональные сорта сыра и меда, а также шоколадные плитки и конфеты. Если бы не едва уловимая грустная тень, промелькнувшая на его лице, можно было бы поверить, что человек, который стоял передо мной, был счастлив.

Дамиан без умолку говорил, задавал мне вопросы и тут же сам на них отвечал.

– Дети пригласили меня на Новый Год к себе. Завтра поеду к ним, увижу сыновей и внуков, – с радостью сообщал он свои новости. Он, как будто бы спешил выговориться, боясь, что я вот-вот уйду, и он останется один со своими невостребованными новостями, так и не поделившись ими.

– А где живут твои сыновья? Ты раньше говорил, что они живут где-то на Севере Франции.

Я задал этот вопрос больше из вежливости, чтобы поддержать разговор с соседом, чем из любопытства.

– Да, они живут в Гавре. – Дамиан не поленился, нашел и открыл передо мной географический атлас Франции и стал показывать место, куда ему предстоит отправиться на Новогодние праздники. Он радовался этому событию, как школьник, которому предстоит увлекательная поездка на север страны, да еще за рулем своей машины. Но истинная причина, которая понастоящему радовала его одинокую душу, крылась в сознании того, что он еще нужен своим сыновьям и внукам. Его вдохновляло то, что он еще может самостоятельно сесть за руль своей машины и, если понадобится, он – Дамиан сможет легко проехать, как и раньше, триста пятьдесят километров, а если потребуется, то и все пятьсот.

Все же в глубине души он, конечно, понимал, что все это самообман и самоутешение, и что на самом деле он приглашен на Новогодний праздник домой к сыновьям и внукам

не на всю жизнь, а всего лишь на неделю, в силу принятой формальной традиции, когда взрослые дети приглашают престарелых родителей на праздники.

Я вежливо слушал своего одинокого соседа. Ему было всего Шестьдесят семь лет. Почему он жил без семьи, я не знаю. Почему два сына, которые обитают на Севере Франции, где-то в Гавре, не забирают своего отца к себе, чтобы он навсегда остался с ними? Не знаю.

Я пожелал Дамиану хорошей дороги и веселого Новогоднего праздника. Пожав друг другу руки, мы попрощались. Я оставил соседа один на один с его злейшим врагом – одиночеством.

Да, одиночество – это действительно злейший враг человека, который убивает людей, убивает он каждый день и Дамиана, повторяя ему: ты никому не нужен, кроме меня, я – твоя тень, а ты – моя жертва. И ведь не зря говорят, что человек умирает тогда, когда становится никому не нужным.

Я сел в машину и с грустными мыслями отправился в Гере, в спортзал на тренировку, где меня ждали в том числе и весьма симпатичные девушки.

03.01.2020

Я ХОЧУ СТАТЬ ПТИЦЕЙ, ЧТОБЫ УЛЕТЕТЬ...

В прекрасном настроении я возвращался из Guéret домой после легкой тренировки. Природа щедро дарила свои солнечные теплые дни всему живому на земле.

Я ехал неспеша по второстепенной лесной дороге, придерживаясь скоростного режима и одновременно восхищаясь солнечным днем. Желтые листья, подхваченные невидимым теплым ветром, бросались прямо под колеса, как самоубийцы, а ведь эти листья давно были мертвы... Перед глазами была лишь видимость жизни – иллюзия, существующая только в нашем сознании.

И вдруг мои эмоции, раздумья, прекрасное настроение разрушило событие, похожее на ураган. Я стал свидетелем отвратительной реальности: дюжина охотников, одетых в оранжевые жилеты, с ружьями наперевес, стояли у обочины дороги. Некоторые махали руками, прося водителей сбросить скорость.

Остановившись, я был поражен увиденным: через дорогу перебежали два до смерти испуганных оленёнка. Они неслись из последних сил, реагируя на зов охотничьего рожка. Охотники – убийцы имитировали спасительный зов матери, к нему-то и стремились оленята, как к единственной надежде на жизнь...

За перепуганными оленятами по их следу бежали десятки охотничьих собак разных мастей. Они гнали испуганных малышей на линию огня, под выстрелы притаившихся охотников.

Увидев убегающих оленят и грозящую им смертельную опасность, я готов был выскочить из машины и стать грудью между ними и их преследователями. И если бы в эту минуту потребовалось погибнуть под выстрелами охотников, я не задумываясь встал бы между ними, чтобы спасти малышей. Все эти чувства, эмоции, мысли промелькнули в доли секунды.

Всю оставшуюся дорогу до дома я ехал с болью в сердце. Ведь еще месяц назад я любовался этими милыми лесными обитателями, фотографировал их, а сегодня я предал этих малышей и свои чувства. Я понимал, что этот зловещий мир не изменить.

О, КАК БЫ Я ХОТЕЛ СТАТЬ ПТИЦЕЙ, ЧТОБЫ УЛЕТЕТЬ НАВСЕГДА ОТ ЛЮДЕЙ...

20.10.2018

ВЕЧЕР В КАННАХ...

Мы сидели за ужином на открытой веранде в итальянском ресторанчике. Природа подарила Каннам тихий вечер. Город был как будто наполнен звуками музыки, но на самом деле сказочная мелодия звучала в душе, а на улицах слышался гул людских голосов и шум праздника, создаваемые всеобщим беспечным настроением.

С нашего столика открывался прекрасный вид на море. После захода солнца за горную грядку небосвод продолжал подсвечиваться золотыми красками, которые отражаясь в воде, плавали по мягкой морской глади. Море и небо находились в нежных объятиях друг друга и, похоже, не хотели расставаться, поэтому казалось, что лазурное море вобрало в себя всю прелесть жизни, все цвета радуги. Вечернее небо, освещенное из-за гор солнечными лучами, светило и пере-ливалось, создавая все новые и новые необычные оттенки. Кругом царил атмосфера большого праздника, ведь в это время в Каннах проходил самый престижный в мире кинофестиваль.

К столикам, где сидели многочисленные представители буржуазии, удовлетворявшие за ужином свои гастрономические потребности, подходила девочка-цветочница, предлагая «джентльменам» купить для своих дам весенний букетик. Но все делали вид, что не замечают девушку, продолжая активно поглощать еду, пить вино и болтать, болтать...

Так называемые джентльмены спешили самовыразиться, предстать друг перед другом в лучшем свете, успеть первым рассказать о чем-то особенном, как будто каждый из них открыл Америку или проник в глубокую тайну жизни. Но никто из них не готов был потратиться на букетик, чтобы поддержать бедную продавщицу цветов.

При виде этой картины я подумал о том, что вот точно так же сейчас здесь, в Каннах, представители самых известных ювелирных домов ходят по коридорам самых дорогих пятизвездочных отелей, расположенных на Круазетте, таких как Мартинез, Карлтон, Мариотт, Мажестик, и предлагают звездам кино безвозмездно принять бриллиантовые украшения только за то, чтобы они в этих украшениях вышли на красную дорожку кинофестиваля и в большой свет. Из открытых источников известно, что ежегодно подарки знаменитостям обходятся ювелирным домам в десятки миллионов долларов: все к ногам богатых и весь мир для богатых.

Ну а мы продолжали дегустировать итальянские блюда и красное вино, а я с грустью наблюдал за тем, как бедная девочка-цветочница безуспешно пытается продать корыстолюбцам весенние букетики.

23.05.2019

ЛЯ РОШЕЛЬ

Когда в один из летних дней во время своего отпуска или во время путешествий вы впервые попадете случайно или намеренно в Ля Рошель, вы обязательно восторженно произнесете: «В какой же красивый город я попал!»

Ля Рошель – это средневековый городок, расположенный на юго-западе Франции, на побережье Атлантики. В этом городке вся центральная площадь вымощена гладкими булыжниками. Попав в Ля Рошель вы наверняка сразу же, потеряв трезвость ума и сдержанность эмоций, устремитесь в общий людской поток, который вынесет вас как щепку, как безвольное существо, в людское море к магазинам и бутикам, продающим самую модную и разнообразную одежду, ведь здесь, во Франции, все дороги ведут нет, не в музей, не в художественную галерею, не к богу и не к храму, а к торговым рядам. А вместо возвышенных чувств о справедливости, о добродетели и о любви к ближнему, о чем любит поговорить так называемая интеллигенция с претензиями на аристократизм, большинством движет желание быть ближе к богатству, к золотому фетишу. Людьюми движет неуёмное стяжательство и тайное желание получить все удовольствия мира, чтобы удовлетворить развратные инстинкты души и тела.

Вот и сейчас, потеряв хладнокровие, вы начинаете бегать по магазинам, как заводная игрушка. Вы уже готовы спустить всю наличность, потратить ее на покупку модной одежды, новых моделей в этом сезоне, выставленных на витринах дорогих бутиков. Только чувство меры вовремя сдерживает некоторых из вас от наваждения, от наркотического воздействия спустить все деньги, чтобы приобрести именно эту вещь только сейчас и здесь, купить и иметь все то, что красуется на витринах и что рекламируют на страницах глянцевого журналов.

Золотой фетиш – вот главное божество, кому поклоняется современное буржуазное общество, вот духовный императив современного человека, человека – потребителя!

Но все же вы вовремя освобождаетесь от стереотипа поведения, выработанного годами жизни в обществе потребления. Рациональное зерно вашего сознания пытается вырвать вас из этих опасных и разорительных пут, освободить вас от неудержимого вожделения иметь все самое модное: одежду, наручные часы, ювелирные украшения, смартфоны...

Товары, выставленные на витринах, соблазняют вас. Этот порочный и развратный мир, основанный на рыночном принципе спроса и предложения, предложения и спроса, предлагает вам самим стать товаром, разменной монетой, стоимостью... Но вы вовремя останавливаетесь, чтобы не быть легкой добычей и жертвой торгового бизнеса. Вы берете под узды неумные своекорыстные желания и поспешно уносите ноги подальше от торговой улицы, от магазинов и бутиков с роскошными витринами.

На соседней улице начинается вереница кафешек, пиццерий и ресторанов, и вы уже в одном из этих заведений скрываетесь от наваждения тратить золотые монеты. Вы заказываете себе кофе и воду со льдом, чтобы охладить пыл неумной жадности к приобретению вещей.

Постепенно вы приходите в себя, освобождаясь от влияния, которое на вас оказывает торговая улица, заполняя все ваше существо особой энергией – энергией стяжательства, пожирающей всю вашу живую душу. Вы как будто бы находитесь на особой территории, где действует невидимая сила, которая манит к себе и как магнитом вытаскивает из ваших карманов и из кредитных карточек ваши деньги...

Выпив чашечку эспрессо и холодной воды со льдом, вы освобождаетесь от меркантильного духа и обращаете, наконец, внимание на сам город, на памятники и шедевры средневековой архитектуры и конечно же ваш взгляд ищет в общем потоке людей знакомые лица – лица близкие вам по духу, но они, если и попадают к вам, быстро исчезают и вы навсегда теряете

их следы, ведь в этом многолюдном мире вы одиноки, никем так и не поняты и никем не востребованы.

Центр Ля Рошеля – это старый порт, две старинные башни и маяк, который в кромешной темноте подает кораблям и яхтам, сбившимся с курса в океане, спасительные сигнальные огни. Особенностью Ля Рошеля является залив, который глубоко проникает к центру города. Французские первопроходцы предусмотрительно построили город вокруг залива, для удобства прибрежной торговли. Вот уже тысячу лет океан мирно соседствует с городом. Волны приветливо плещутся и бьются о городскую набережную, выложенную гладкими булыжниками.

Проходя по кромке набережной – о чудо! – я увидел, как в волнах плавают рыбы. Я немало был удивлен и восхищен этим чудом природы. Красивые, ранее невиданные мной рыбы плавали в заливе. Они как будто специально показывают себя человеку. Мне казалось, что эти сказочные рыбки видят меня, посматривают на меня, общаются со мной...

Глядя на свободно плавающих рыб, я ощущаю всеобщую планетарную связь и братскую, вселенскую любовь ко всем живым обитателям нашей планеты. Но все же странно, почему рыба не боится самого опасного хищника на планете – человека?

Вечером все туристы и отдыхающие устремляются к Старой крепости, где все в огнях, где все светится, переливается, где звучит музыка. Но на самом деле музыка звучит в вашей душе от обманчивого ощущения вашей причастности к большому всеобщему празднику.

Вы торопитесь в эту людскую гущу под предлогом быстрее занять хорошее место, чтобы поужинать на самой многолюдной площади в ресторанчике с видом на залив, в котором отражаются вечерние городские фонари и мачты дорогих яхт.

В Старом порту, как бы не было много горожан и туристов, вы всегда найдете для себя свой уютный ресторанчик с видом на залив, на чертово колесо, на маяк и на две средневековые башни, некогда охранявшие город от неприятельских кораблей. Эти две башни с бойницами как два великана -рыцаря прочно и уверенно стоят на страже города и восхищают туристов своей монументальностью, своей исторической ролью в жизни города.

Сотни кафешек, пиццерий, ресторанов буквально прилипнув друг к другу растянулись вдоль набережной. Они предлагают вам отведать различные блюда любой специализации, любой национальной кухни. Эти открытые ресторанчики растянулись вдоль набережной вплоть до пристани и причалов...

За ужином самая разношерстная толпа, представители самых разных возрастных групп, социальных слоев общества собираются на набережной. Здесь, в Ля Рошеле, в центре города в Старом порту есть все, чтобы удовлетворить ваши пожелания, ваши вкусы и пристрастия. Высокие цены в некоторых ресторанах лучше всякой охраны отпугивают малоимущий плебс от богатых буржуа.

Богатые солидные клиенты выкладывают за свой ужин в пять раз больше, чем мелкие буржуа. Богатым, так же, как и всем смертным, хочется посидеть в городском ресторанчике при многолюдном скопище, но в то же время отдельно от малоимущей толпы, от массы случайных людей, стоящих ниже их на социально-иерархической лестнице, ведь большинство туристов, приехав на самые престижные курорты Франции, копят свои сбережения в течение года, чтобы потом, во время летнего отпуска потратить их за неделю в заведениях, не соответствующих их социально-имущественному рангу.

Дорогие рестораны открывают двери для своих солидных клиентов, для богатых господ и дам, но увы, в эту публику иногда просачиваются и люди с дурными манерами, хотя и претендующими на аристократизм или как минимум на буржуазность. И все же дорогие рестораны делают свое дело: они как сито отсеивают богатых господ от всякой мелкоты.

Можно иметь деньги и даже обладать капиталом, но все равно не быть способным перенять утонченные светские манеры. Примерно так, в презрительной форме, французские дворяне отзывались о торговцах и представителях нового общественного класса – буржуазии.

Рестораны для богатых клиентов предлагают не только изысканную кухню от хороших шеф-поваров, но и хорошую цену за ужин: от 125 евро и выше. Ужин на двоих в этих ресторанчиках для богатых клиентов может обойтись и в 500 евро.

Ресторанчики для клиентов со средними доходами переполнены туристами, приехавшими в Ля Рошель в отпуск. Во время поглощения пищи они активно работают челюстями, столовыми приборами, не забывая о бокалах с вином или пивом. Вся эта картина чем-то похожа на сцену в театре и зал для зрителей с той только разницей, что в залах ресторанов клиенты сами играют роли, перевоплощаясь в актеров-любителей и одновременно являясь зрителями, подсматривающими за игрой таких же, как они сами.

В Ля Рошеле все гармонично и красиво, но все мое внимание было приковано к белым яхтам, наверное, от того, что у каждого есть, хотя и туманная, но все же мечта о путешествии на яхте если не по просторам океана, то хотя бы хоть раз пройти под парусом вдоль Лазурного побережья Средиземного моря, вблизи Марселя, Канн и Ниццы. Даже трудно поверить, что подняв паруса белой яхты, можно уходить в открытый океан так же легко, как подняв крылья взлетают в голубое небо белые чайки...

17.09.2020

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Пройдя сегодня по своему маршруту около 3 км в сторону Chavanat, я обратил внимание на шум трактора, который ехал мне навстречу. Я остановился, отойдя на обочину и уступая проезжую часть дороги. Фермер, сидевший за рулем, махнул мне рукой в знак приветствия и одновременно в знак благодарности за мою вежливость. Он перевозил на своем тракторе, в специальном железном полуоткрытом прицепе корову. Когда транспорт поравнялся со мной, я увидел, как корова посмотрела на меня своими большими доверчивыми глазами.

Я прочитал во взгляде ее добрых глаз беспокойство, поскольку корова не понимала, что с ней происходит. Несмотря на доверие своему хозяину-фермеру, корова все же была охвачена тревогой. Коровушка смотрела мне в глаза, и мне показалось, что она как будто узнала меня, ведь я так часто прохожу мимо пасущихся коров и, останавливаясь, фотографирую их. Мне стало ее жалко.

Неужели эту кормилицу, это доверчивое доброе разумное создание, которое в Индии почитают за божество, здесь, во Франции, везут сейчас, может быть, на убой? Почему ее забрали из семьи, оторвали от детей – телятушек от стада? Куда ее везут? Неужели ее решили убить, и жребий смерти пал именно на эту бедную коровушку? Все эти вопросы за доли секунды промчались в моей голове.

«А что я мог изменить в этом мире? Я всего лишь песчинка на берегу океана жизни. Как я могу изменить? Я сегодня же напишу про тебя, моя милая хорошая коровушка, а мои неравнодушные читатели, может быть, прочтут о тебе, представят тебя, посочувствуют и напишут тебе письма... Мой рассказ будет моей молитвой по тебе»... – так я пытался успокоить свою совесть. Я задавал все эти вопросы, пытаюсь найти ответы на них, но увы, ответы были похожи на удары безысходности.

Да, убийство – это неотъемлемая часть жизни человека. И, возможно, понадобятся тысячи лет, чтобы человек перестал убивать братьев меньших. Возможно, когда-нибудь род людской сможет признать право животных на жизнь, как признает свое. А пока сам человек больше похож на жертву или еще хуже – на каннибала, который все и всех поедает.

Как хрупка и как ненадежна жизнь вообще! Мы каждый день убиваем своих близких своей черствостью, бываем так жестоки к ним. А потому никогда не бросайте своих друзей и любимых, ведь они невидимыми нитями дружбы и любви связаны с вами.

28.08.18

ПОСЛЕ 18 ЧАСОВ Я ВНЕ ЗАКОНА

Во Франции с 18 часов наступает комендантский час. А я, как на грех, в это время оказался в Обюссоне.

Ощущение такое, будто все люди, не успевшие покинуть улицы и укрыться дома в конкретное время, автоматически причисляются к нарушителям комендантского часа и считаются вне закона. Неужели и я попал в число нарушителей? Неужели и я теперь преступник?! А ведь это страшно быть преступником, чувствовать себя раз и навсегда отрезанным от мира, отторгнутым от всего человечества.

На город стремительно надвигались сумерки, а вместе с темнотой и на душе становилось неуютно, зябко и тревожно.

Припарковав машину специально возле отеля, я вошел внутрь, чтобы укрыться от полиции и от внешнего мира. Подойдя к ресепционистке я оповестил ее, что сниму номер в отеле, как только подойдет моя подруга.

На бадже, висевшем на груди девушки, было написано имя Моник. Ей было не больше 25 лет. Она не поленилась и приготовила мне чашечку кофе.

Интересно: встречу я сегодня полицию или нет? Вот заодно и проведу небольшое социологическое исследование о том, как выполняют предписание граждане Французской Республики, а полиция следит за исполнением закона, – думал я, попивая ароматный напиток.

Я смотрел через окно первого этажа отеля на безлюдную улицу. Машины быстрее обычного выезжали из города. В окнах домов тускло горел свет. Вдруг я увидел машину надписью «жандармерия», проехавшую неспеша по дороге, словно всматривалась в темнеющие улочки, чтобы найти, отыскать в темноте нарушителя закона.

В едва освещенных улицах чувствовалось всеобщее упадническое настроение. Французский дух загоняют в угол, он медленно уходит в себя.

Неужели дух Франции погаснет? Или он все же найдет в себе силы и восстанет к свету и к истине? Только время покажет нам финал этого большого спектакля, связанного с Covid-19, – подумал я.

27.01.21

РЕСТОРАН В АРИСТОКРАТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Перед самым наступлением зимы природа щедро спешила напоить землю солнечным теплом. Этим будничным утром я не спеша вел машину, направляясь в один из провинциальных городков с трудно произносимым названием Гере, где мы с женой решили посетить музей живописи и археологии. Этот город, если вы не знаете, находится в 23 департаменте Французской Республики.

Погода, как прекрасная музыка, создавала хорошее приподнятое настроение. Осенний теплый ветер, лаская кроны совсем еще молоденьких деревьев, растущих вдоль дороги, одновременно спешил сорвать с них все пожелтевшие листья, подобно страстному любовнику, срывающему одежды со своей возлюбленной. Порывистый ветер подхватывал упавшие желтые листья и безудержно кружил с ними в вихре прощального вальса прямо навстречу моей машине. Я замороженно смотрел на этот безумный танец влюбленных. Мне выпала честь стать одиноким зрителем этой восхитительной природной мистерии.

Я ехал по второстепенной проселочной дороге, вглядываясь в красоту внешнего мира, любуясь ухоженными зелеными лугами, на которых росли многовековые дубы и платаны, живописно украшая неповторимые местные пейзажи. Оказывается, увядание живой природы может быть не только грустным, но и столь же прекрасным явлением, как и начало жизни.

Въехав в Гере, я без труда припарковал машину на площади в центре города. Вся центральная площадь была отведена под паркинг, и это было очень удобно. В середине возвышался старинный двухъярусный фонтан, а вокруг площади размещались все основные административные здания: мэрия, префектура, почта, отделения банков и разнообразные кафе.

Музей находился совсем рядом, в прекрасном старинном парке. После посещения музея, где-то ближе к 13 часам, мы вернулись обратно к центральной площади в поисках приличного заведения, где можно было бы не только утолить голод, но и познакомиться с местной французской кухней.

Войдя в брассери, мы были удивлены тем, что два просторных зала почти полностью заняты клиентами. Официант пытался провести нас к свободным местам. Я успел заметить оценивающие взгляды некоторых завсегдатаев, пробежавшие по нашим лицам и по одежде. Моя жена – высокая красивая женщина, похожая на Фани Ардан, приковывала взгляды французов и француженок, ведь во Франции трудно найти красивую женщину – уж поверьте тому, кто является настоящим знатоком и вечным поклонником женской красоты. На меня обращали внимание лишь постольку, поскольку рядом со мной находилась красивая женщина выше меня ростом. «А-а-а, значит в этом парне что-то есть, раз его любят такие красавицы», – рассуждали про себя те, кто никогда по-настоящему не любил.

Клиенты брассери были хорошо одеты: в рубашки и пиджаки модного в этом сезоне цвета. Посетители заведения разговаривали настолько громко, насколько им позволял их социальный статус и финансовое положение, а в зале было достаточно шумно. Наверное, сюда чаще всего заглядывали служащие средней руки, работающие в местных отделениях банков, страховых компаний и других фирм, которые еще держались на плаву. Предложенные места «на галерке» мне не понравились, поэтому я достаточно пренебрежительно отказался обедать в этом месте.

Мы вышли на улицу. Кроме этого брассери нам на глаза больше не попадались заведения, где можно было перекусить, но именно тогда, когда явно грозила возможность остаться без обеда, мы увидели вывеску ресторана «Le Coq en Pate».

Трехэтажный особняк стоял на возвышенности. Вокруг него росли сосны. К дому вели крутые каменные ступеньки, проложенные вручную лет 150 назад. Они вели особняку, как по тропинке. Но нам нечего было терять и в эти минуты мы были готовы пройти по любой лест-

нице, хоть по висячему мосту, лишь бы попасть в ресторан и не остаться голодными в незнакомом городе.

Войдя в здание, мы были несколько шокированы: перед нами открылись залы настоящего дворца с высокими потолками и картинами на стенах, одетыми в тяжелые рамы. Нас встречали так радушно, как встречают старых друзей, депутатов парламента или аристократов. Но, дорогой читатель, я хочу заверить вас, что я никогда не забывал о своем пролетарском происхождении и своего социального статуса. Я даже горжусь тем, что принадлежу к великому общественному классу.

Нас не испугало меню с высокими ценами. Как знатоки буржуазной кухни, мы выбрали блюда местной кухни, но меня серьезно смутило, когда перед нами разложили обеденные приборы из серебра: ложки, вилки, подносы для маленьких багетов. На это я должен был как-то реагировать...

Не задумываясь, я превратил данную ситуацию, наполненную духом следования аристократическим традициям, в некий фарс. Я как будто на полном серьезе спросил официанта: «Эти ложки и вилки на самом деле серебряные?»

Конечно же, в моем вопросе сквозила ирония к данной напыщенной обстановке, где мы невольно оказались. Для полной серьезности или наоборот несерьезности я сделал театральную попытку рассмотреть клейма на вилках... Но на обеденных приборах из драгоценного металла действительно оказались и проба, и клейма происхождения серебряных изделий.

Этот обед больше походил на экскурс в историю во времена Людовика XVI, когда искусство, предметы роскоши, манеры и красота ценились выше всего прочего, конечно, не считая самого золота.

Уходя, я все же бросил на стол железную монету достоинством в два евро. Мальчишка официант взял монету, искренне поблагодарив меня за этот вульгарный жест, и мне показалось, что он был очень рад этим чаевым.

10.10.2018

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

В Обюссоне меня обычно не покидает одно и то же ощущение, что все пожилые люди, кому за пятьдесят, глубоко несчастны. Не от того ли, что они безнадежно одиноки, всеми брошены и забыты? Мысленно я пытаюсь найти причину их глубокого пессимизма. Почему эти люди так несимпатичны, так некрасивы, так непривлекательны? Наверное, от того, что они «лишние люди» и их жизнь обречена на одиночество.

Я обращаю внимание на их бледные лица без печати радости и живой мысли, выражающие полную безысходность. Эти люди теперь не нужны ни великой Франции, ни их друзьям, ни родным... Напротив: их родственники, дети и внуки с нетерпением ждут того часа, когда после смерти своих ненужных предков они смогут унаследовать их движимое и недвижимое имущество.

Оказавшись в центре города около десяти часов утра, мы с женой забежали в теплую, респектабельную чайную, прячась от утреннего зимнего холода. Комфортно расположившись за столиком в мягких уютных креслах, мы заказали себе тарталетки, шоколадные конфеты с тертым орехом и чай.

За большой стеклянной дверью было солнечно, но прохладно. Дул зимний ветер, пронизывающий не только тело, но и всю душу. Прохожие ежились от студеного ветра, прячась в свой внутренний мир, где было так же неуютно, тоскливо и одиноко, как на этой мертвой улице.

Хозяин заведения для всех посетителей был «своим парнем». Как только мы вошли в чайную, он громко приветствовал нас:

– Добро пожаловать, мои русские друзья из Санкт-Петербурга, – произнес он с театральным пафосом, как актер на любительской сцене.

Тут надо заметить, что Обюссон – это маленький провинциальный город, расположенный в самом центре Франции. Когда-то он был центром французского ткачества, а сегодня это город – музей. Здесь все друг друга знают и при появлении новичков, особенно в тихий неотпускной сезон, любой хозяин заведения считает необходимым с вами познакомиться. Именно так мы и познакомились с Анри – выходцем из Югославии, который теперь управлял этим чайным салоном.

Завсегдатаи, сидевшие за столиками, тут же устремили на нас любопытные взгляды, но в наших лицах и во внешнем виде они не нашли тех русских, какими они себе их представляли. Мы были другими, больше похожими на парижан среднего класса, случайно захавших в провинциальный всеми забытый городишко. Но несмотря на все различия или сходства, мы обменялись с посетителями кафе вежливыми приветствиями, как и положено по французской традиции.

Представители мелкой буржуазии делят людей на своих и чужих по социально-имущественному принципу. Увы, люди действительно неравны не только по социальному статусу, но и по культурному уровню, и это надо признать, как факт: что есть, то есть.

Мы с удовольствием ели тарталетки, запивая крепким чаем и обменивались между собой впечатлениями. Тарталетки из слоеного теста со свежей сливой – это местная традиционная выпечка, которую трудно испортить, а шоколадные конфеты с тертым орехом оказались нам не хуже бельгийских.

Тишина в зале иногда нарушалась смехом. Смеялись за соседним столиком по каждому, самому незначительному поводу. Смеялись громко, изо всех сил. Было видно, что люди пытаются развеселить себя, чтобы создать атмосферу хотя бы искусственной веселости. Но смех едва только зажегся, как тут же гаснул, как сырые спички, от которых появляются только искры и легкий дымок, но нет настоящего согревающего огня. Люди искали повод, чтобы развеселить себя, показать всем, что они еще есть в этой жизни, что они значительны, и что у них

есть свои права. Но от этого тщетного желания, которое было похоже на беспомощный условный рефлекс, все выглядело еще более безнадежно.

Анри с особым энтузиазмом поддерживал эти наигранные эмоции, эту атмосферу искусственной веселости, ведь ему платили в том числе и за приятную атмосферу... Он был одновременно и хозяином этого заведения, и поваром, и официантом, и массовиком-затейником.

Уходя из чайной, я попросил упаковать в подарочный баллотин 150 граммов пралине, и мы вышли на морозный воздух, наполненный ожиданием Рождества.

18.01.2018

ОБЮССОН И КОРОНАВИРУС

Я ехал по дороге, залитой ярким солнечным светом. Машин нет. Ощущение непривычное, я сказал бы даже тревожное, кладбищенское. Неужели я что-то пропустил, а тем времени все люди исчезли, пропали, испарились. За десять дней в мире что-то произошло и, возможно, все люди вымерли от коронавируса, пока я жил изолировано в своей деревеньке, в 300 километрах к югу от Парижа.

Дорога, по которой я ехал в Обюссон, была абсолютна пустынной: ни одной машины ни спереди, ни сзади, ни на встречу из города – машин не было вообще.

«Может я нахожусь в другом пространстве и времени под влиянием глобального гипноза, воздействующего на сознание людей, оставшихся на Земле, а над нами в это самое время проводят чудовищный глобальный эксперимент с манипуляциями над нашим сознанием? И в таком случае мне, возможно, лишь кажется, что я еду в Обюссон, в супермаркет за продуктами»...

У меня странное ощущение: я как будто оказался на другой планете, очень похожей на Землю, где так же светит солнце, где есть города, но где нет людей и царит полное безмолвие... Я знал, что вдоль дороги расположены камеры видеонаблюдения, поэтому ехал медленно, не превышая семидесяти километров в час при положенных восьмидесяти.

Через 20 минут без лишних приключений въехал в Обюссон. Город также безлюден. По краям дороги и на паркингах осиротело стоят припаркованные машины. Кругом ни одного признака жизни. Люди словно вымерли. Я медленно проезжаю мимо знакомых мне мест, вглядываясь в здания в надежде увидеть хоть одного человека. Магазины, кафе и бары закрыты.

Вот мое любимое кафе на центральной площади. Медленно подъезжаю к нему, но и оно закрыто. Раньше при каждом удобном случае я заходил сюда, чтобы не только выпить чашечку кофе, но и пообщаться с Элен – приятной привлекательной хозяйкой, которая всегда оказывала мне особое внимание.

Обюссон – красивый старинный городок. В средние века он славился ковроделием. Но в начале 21 века, сразу же после закрытия последнего промышленного предприятия в 2003 году, Обюссон превратился в город – призрак. А тут еще началась эпидемия Covid-19 – смертельно опасного вируса, убивающего людей. Государство ввело чрезвычайный режим с комендантским часом в соответствии с всеобщим санитарным карантином. Мои размышления прерываются, как только я въезжаю на территорию полупустого паркинга супермаркета Carrefour.

День стоял чудесный, было в нем какое-то особое весеннее очарование. Забыв об опасности, я готов был заключить весь мир в свои объятия. На голубом безоблачном небе радостно светило солнце, его теплые лучи нежно ласкали лицо, пробуждая мою чувственность.

Перед входом в супермаркет стояла небольшая очередь примерно из семи человек. Выстроившись в цепочку, все они безмолвно угрюмо и неподвижно ожидали того мгновения, когда смогут войти в магазин. В условиях эпидемии каждый представлял друг для друга потенциальную угрозу заражения.

Но все равно мне нравилась самодисциплина французов. Покупатели с пустыми колясками стояли на расстоянии трех метров друг от друга в полной отрешенности, погруженные в свой невеселый мирок. Они заходили внутрь строго по порядку: один вышел – другой вошел. «Браво, французы! Только цивилизованным разумным народам присуще уважение к очереди и к порядку», – подумал я.

Войдя в залы супермаркета, я сначала опешил – отсутствовала вездесущая, но такая привычная толпа покупателей. Огромная масса качественных продуктов смотрела на меня

с прилавков большого магазина. У меня появилась обманчивое ощущение, что все содержимое супермаркета принадлежит мне и каждому, кто вошел сюда в эту же минуту.

Ведь я вообще никогда не думал о деньгах: они или есть, или их нет. Но все, в чем нуждается человек из материальных потребностей, должно быть ему доступно, – эта мысль была абсолютной априорией. Бери все, что тебе необходимо, все самое вкусное. А здесь и есть все самое вкусное. Заполняй свою тележку и уезжай домой, как будто бы в мире наступило Царство Коммунизма. «Но уж нет, господа-товарищи, – подумал я, – не заслужили, а потому за все надо платить цветными фантиками с надписью «евро».

Сюрреалистическая картина наблюдалась везде. Кассы были полупустыми. Кассирши впервые без особого труда, без сумасшедшей нагрузки, неспеша обслуживают клиентов. Каждая спокойно дожидалась человека с наполненной тележкой и с чувством собственного достоинства, впервые никуда не торопясь, выполняла свою опасную работу, каждую минуту рискуя заразиться смертельным вирусом.

24.03.2020

МОЙ АНГЕЛ – ХРАНИТЕЛЬ

Я вышел из супермаркета и вдруг с большой досадой обнаружил, что потерял свой телефон. Вот ведь не зря говорят: что упало, то пропало! Выронив где-то телефон, я как будто потерял частичку своей души. Мне стало горько: ведь вместе с телефоном пропал и некий абстрактный мир. А с другой стороны, освободившись от искусственного мира, я обрел реальный. Но потеряв телефон я оказался без всех тех нитей, которые связывали меня с другими людьми и друзьями – фантомами, я стал ближе к самому себе, к своей субъективной достоверности.

Но все равно грусть и одиночество подобно морскому приливу нахлынули на меня, ведь я навсегда простился со своим неразлучным другом из-за глупости. А из-за чего еще в жизни происходят все неприятности и даже несчастья, как не из-за глупости?!

Убедившись, что телефона нет ни в карманах, ни в автомобиле, я понял, что выронил его из кармана спортивного костюма где-то в супермаркете. Конечно, в памяти телефона хранилась вся информация: номера моих контактов, переписка, мои заметки и, в конце концов, сам телефон был мне дорог, ведь мы были неразлучными друзьями в течение двух лет...

Где он теперь? Лежит где-то на казенном полу в супермаркете. Именно там в последний раз я разговаривал по телефону, а затем, не заметив потери друга я все дальше и дальше уходил от него, оставляя телефон на произвол судьбы. Так как в эти минуты я был поглощен духом стяжательства, жадно вглядываясь в торговые ряды, отыскивая все самое вкусненькое и периодически бросая в корзину то, что было необходимо для дома, для наших четвероногих любимчиков и для семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.